

**Отзыв о диссертации Ирины Михайловны Горбуновой на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
«Грамматическая семантика атаяльского глагола в типологической перспективе»**

Диссертация И. М. Горбуновой представляет собой детальное теоретическое исследование нескольких грамматических категорий глагола в трех разновидностях атаяльского языка (австронезийские, о. Тайвань).

Работа делится на три главы. В первой дается общий очерк атаяльского морфосинтаксиса с акцентом на глагольной системе. Вторая и третья главы посвящены непосредственно исследуемым грамматическим категориям. Во второй главе рассматриваются показатели аспекта, в третьей – модальности и фазовой полярности. Основные теоретические результаты исследования кратко суммируются в Заключении.

Диссертация содержит также подробную Вводную часть, в которой освещаются проблемы генетической классификации атаяльских языков внутри австронезийской семьи и классификации диалектов внутри атаяльского языка, дается оценка социолингвистической ситуации в районах распространения ранее не исследованных разновидностей языка атаял, с которыми работает автор, и описываются принципы и результаты полевой работы автора, послужившей эмпирической базой для диссертационного исследования. Логическим продолжением Вводной части служат помещенные в конце диссертации одиннадцать приложений, содержащие образцы глоссированных текстов из собранного автором корпуса, социолингвистические данные об информантах, справку о разработанной автором системе записи языкового материала и др.

Отдельно следует остановиться на первой главе диссертационного исследования, «Очерк атаяльского морфосинтаксиса». По жанру она является обзорно-дескриптивной, композиционно предваряет теоретически ориентированные следующие две главы и, видимо, задумана автором отчасти как вспомогательная. Однако на самом деле она оказывается не менее важна, чем центральные, теоретические главы диссертации. Дело в том, что автор имеет дело с ранее не документированными и при этом заметно отличающимися от уже описанных разновидностями языка атаял (варианты каланов Кьянан, Скикун и Сянух), которые к тому же находятся под угрозой исчезновения. И составленный И. М. Горбуновой на основе самостоятельно собранных ею в течение нескольких экспедиций полевых данных «Очерк» – единственное последовательное описание их грамматики. Уже одно это определяет безусловную **новизну и актуальность** рецензируемой диссертации.

Центральные главы диссертации, посвященные более пристальному рассмотрению отдельных типологически нетривиальных особенностей атаяльской аспектуальной, фазовой и модальной систем, не оставляют ни малейших сомнений и в **теоретической значимости** работы. Из глав второй и третьей становится очевидным, что, во-первых, исследование И. М. Горбуновой вовсе не ограничивается задачами чисто дескриптивными (и, тем самым, в полной мере удовлетворяет выбранной более широкой специальности 10.02.20), а во-вторых, что в диссертацию намеренно включен далеко не весь материал, проработанный автором на уровне конкретноязыкового описания. Вторая и третья главы организованы как серия очень подробных теоретических этюдов, каждый из которых посвящен отдельному показателю или группе показателей атаяльского глагола: прогрессивно-стативной форме, форме перфекта, условным конструкциям, фазовым частичкам и др. При этом для исследования принципиально выбраны только те показатели и те их свойства, которые оказываются нетривиальны с типологической точки зрения и могут служить автору материалом для дальнейших теоретических построений, касающихся уже не только и не столько языка атаял, сколько общего устройства соответствующих грамматических категорий в языках мира и концепций их семантического представления.

Каждый из разделов внутри глав второй и третьей предваряется подробнейшим обзором литературы по соответствующей проблематике, в том числе и в особенности новейшей литературы. Конкретноязыковой материал, рассматриваемый в этих разделах, в обязательном порядке встраивается автором в одну из существующих семантических концепций и/или типологических классификаций.

При этом в каждом случае И. М. Горбуновой удается продемонстрировать несостоительность, уязвимость или неполноту имеющейся теоретической базы и существенно ее расширить, предложив собственную принципиально новую концепцию, которая бы более адекватно описывала приводимый ею новый же материал. Общий полемический подход И. М. Горбуновой оставляет у читателя очень сильное впечатление безусловной теоретической подкованности, научной зрелости и исследовательской смелости.

Отдельно следует отметить теоретическую непредвзятость автора: И. М. Горбунова в равной мере обращается при анализе своих данных к работам, выполненным в рамках очень разных традиций: функционально-типологическим (Дж. Байби, Э. Даль, Й. ван дер Аувера, В. С. Храковский и др.), формально-семантическим (М. Крифка, А. Кратцер и др.), работам семантической школы Ю. Д. Апресяна и Е. В. Падучевой и др.

Любопытной особенностью работы, оставляющей также более чем приятное впечатление, является тот факт, что автор опровергает в ней не только некоторые положения своих предшественников, но и, неоднократно, положения, предлагавшиеся им самим в более ранних работах и не нашедшие подтверждения при более детальном анализе и/или привлечении нового эмпирического материала.

На первый план в работе, как уже было сказано, автором выставлены те эмпирические данные, которые наиболее интересны ему самому и потенциальному читателю с теоретической точки зрения. Однако это лишь вершина айсберга, за которой стоит очень значительная работа по документации языка, о которой автор лишь бегло упоминает во вводных главах.

Исследование основано на двух типах эмпирических данных. Это, во-первых, данные непосредственного опроса информантов как по существующим типологическим опросникам (анкетам) о семантике глагольных категорий (таким как анкета Э. Даля), адаптированным автором к атаяльскому материалу, так и по анкетам, составленным самим автором для изучения рассматриваемых в работе грамматических категорий, в том числе достаточно экзотических. Эти анкеты, как кажется, имеют самостоятельную ценность и могут быть использованы в дальнейшем при исследовании аналогичных (часто экзотических и малоописанных) категорий в других языках.

Во-вторых, в качестве источника данных автором использован корпус устных текстов на исследуемых разновидностях атаяльского языка, самим автором собранных, расшифрованных и снабженных морфологической разметкой. Корпус небольшой по объему – чуть более часа, однако очень интересен его состав. Часть вошедших в него текстов – это спонтанные нарративы, другая же часть – параллельные тексты на трех изучавшихся атаяльских идиомах, порождавшиеся в ответ на два типа стимулов: а) рассказы по картинкам и б) пересказы спонтанного нарратива, записанного от носителя другого диалекта. Использование корпуса параллельных текстов кажется очень удачным решением при работе сразу с тремя близкими идиомами: на его материале можно сопоставлять употребление грамматических форм в одном и том же контексте в разных идиомах, избегая при этом проблемы искусственности материала, возникающей при работе исключительно с данными элицитации. Особенно остроумным методологическим решением представляется использование в качестве стимула спонтанного текста на другом, но близком идиоме. Автор таким образом решает сразу две задачи: социолингвистическую – задачу проверки взаимопонятности идиомов и документационную – задачу пополнения корпуса текстов (а в дальнейшем,

соответственно, и теоретическую, получая возможность анализировать полностью сопоставимый материал разных диалектов).

Из дискуссионных моментов, не влияющих на общую очень и очень высокую оценку работы, можно отметить следующие.

1) Не всегда кажутся очевидными композиционные решения автора диссертации. В дальнейшей работе над текстом при подготовке его к изданию в виде монографии (чего этот текст, с нашей точки зрения, безусловно, заслуживает) можно было бы подумать над следующими небольшими изменениями.

а) Как уже упоминалось выше, в диссертации рассмотрен материал сразу трех атаяльских идиомов. В качестве дополнительных иногда привлекаются также данные и по другим диалектам атаяльского языка, известным по предшествующим описаниям. Безусловно, автор каждый раз поясняет, о какой именно разновидности идет речь, и все приводимые им примеры также снабжены пометой, указывающей на диалект. Однако, поскольку общая логика работы строится вокруг теоретического анализа данных, часто достаточно сложного, необходимость следить за междиалектным сопоставлением, проводимым параллельно с общим теоретическим анализом, требует от читателя немалых усилий. Возможно, читательскую задачу облегчили бы дополнительные отдельные фрагменты текста, кратко описывающие диалектную картину по каждой из рассматриваемых тем.

б) Не вполне очевидным кажется объединение в одну главу (третью) таких тем, как модальность и фазовая полярность (показатели со значениями 'уже' и 'еще'). На первый взгляд, более естественным казалось бы рассмотрение фазовых показателей в предыдущей главе, посвященной аспектуальным значениям. Автор достаточно убедительно обосновывает свое решение тем что: 1) значения рассматриваемых им показателей фазовой полярности не принадлежат к собственно аспектуальным и 2) как и для рассматриваемых в третьей главе модальных показателей, для них принципиальным оказывается семантический компонент отрицания, а также взаимодействие с показателями отрицания. Последовательно рассматривать взаимодействие отрицания сначала с модальными показателями, а затем с показателями фазовой полярности действительно композиционно удобно. Однако при такой композиции очень далеко друг от друга оказываются разделы, посвященные перфекту (вторая глава) и частице со значением 'уже' (конец третьей главы). При этом уже в разделе о перфекте говорится о склонности формы перфекта к сочетанию с частицей 'уже' и приводятся подробные рассуждения о результирующей семантике комбинации перфектного и фазового показателей. Альтернативным композиционным решением (возможно, также не лишенным недостатков) было бы выделить раздел о фазовых показателях в отдельную главу и поместить эту главу между главой об аспекте и главой о модальности.

в) Из частных композиционных моментов можно отметить также следующие. В упомянутом уже разделе о перфекте в качестве «перфектной конструкции» рассматривается 1) конструкция с собственно формой перфекта и 2) конструкция с формой перфекта и частицей 'уже'. При этом из описания не всегда удается понять, о какой из них идет речь. Возможно, удобнее было бы разбить этот раздел на два подраздела и рассмотреть эти две конструкции по отдельности.

Общие сведения об атаяльском языке и его диалектах приводятся на стр. 13, уже после раздела о методике работы, в т.ч. о сборе параллельных текстов на разных диалектах. Вероятно, имело бы смысл поместить этот раздел несколько выше.

2) Автором диссертации при обсуждении атаяльского материала настолько активно привлекается самая разнообразная теоретическая литература по соответствующим грамматическим категориям, что при всем желании невозможно указать на какие бы то ни было библиографические лакуны. Можно привести лишь отдельные частные

библиографические дополнения, которые, как кажется, могли бы быть полезны автору при дальнейшем анализе материала.

а) В разделе 2.1 приводятся и анализируются чрезвычайно интересные данные по дейктической интерпретации аспектуальных показателей, восходящих к пространственным глаголам ‘быть там’ и ‘быть здесь’. Анализируя эти данные, И. М. Горбунова приходит к выводу, что атаяльская пространственная система «в целом ориентирована не столько на пространство речевого акта, сколько на точку отсчета (которая в общем случае совпадает с пространством речевого акта)», а также замечает, что «атаяльская временная система также ориентирована больше на точку отсчета, чем на момент речи» и ставит более общие вопросы о типологизации грамматических систем по этому параметру и о возможных связях в организации систем пространственного и временного дейксиса. Хочется отметить, что при постановке и решении подобного рода вопросов очень удобным кажется понятийный аппарат, предлагаемый в работах Е. В. Падучевой (которые упоминаются автором в теоретическом обзоре, предваряющем соответствующий раздел, однако в дальнейшем не привлекаются). Е. В. Падучева, во-первых, рассматривает в едином ключе пространственный и временной дейксис, а также и многие другие фрагменты грамматики и лексики, так или иначе отсылающие к речевому акту, объединяя их под общим названием эгоцентрических единиц (отчасти развивая идею «шифтеров» Якобсона). Во-вторых, она предлагает деление эгоцентрических единиц на первичные (жесткие), последовательно реферирующие к речевому акту в любых контекстах, и вторичные (мягкие), в терминологии автора диссертации «ориентированные на точку отсчета». Как кажется, это ровно тот понятийный аппарат, который мог бы лечь в основу предлагаемой И. М. Горбуновой типологии. Из частных наблюдений Е. В. Падучевой, которые перекликаются с рассматриваемым в диссертации материалом, можно упомянуть также обсуждение русских бытийных конструкций с генитивом отрицания и первым лицом (вроде *меня нет дома / меня нет в Москве / "меня нет в Париже*). Генитивная конструкция и первое лицо субъекта задают два разных дейктических ракурса, которые могут вступать в противоречие, приводя к аграмматичности соответствующей фразы или к необходимости сильного контекста (Paducheva 2008)¹. Это, кажется, очень похоже на противоречие, описываемое в диссертации для атаяльских бытийных глаголов на стр. 112 ff.

б) В разделе 3.2 при обсуждении показателя *aki* для выражения контрафактивного условия в условных конструкциях и авертивного значения в независимых клаузах отмечается, что *aki* может выражать контрафактивную семантику, имея при этом референцию к будущему, а не к прошлому, как это предсказывается в типологических работах по авертиву (*дождь должен был пойти завтра, почему же он идет сейчас!*). В этом свете важными кажутся выводы Н. Р. Добрушиной, сделанные на русском материале. Проанализировав большую выборку естественных примеров на употребление русского сослагательного наклонения в условных конструкциях с референцией к будущему (*если бы завтра...*), Н. Р. Добрушина приходит к выводу, что самый естественный контекст для него – контрафактивный, точно такой же, как и для конструкций с референцией к прошлому (типа *если бы завтра была суббота*), а не гипотетический, как можно было бы предположить. Из этого она делает более общий вывод о том, что «данные ... заставляют усомниться в том, что для естественного языка действительно значимым является понятие контрафактивности в том виде, в каком оно предложено философами. Если основывать это понятие на логике, то контрафактивными можно называть только ситуации прошлого и настоящего, никакие ситуации будущего не могут быть контрафактивными. Рассмотренные выше примеры из русского языка <...> группируют действительность иначе. Они исходят из точки зрения

¹ Paducheva E.V. 2008. Locative and existential meaning of Russian BYT // Russian Linguistics, 32(3). P. 147–158.

говорящего, который оценивает реалистичность ситуаций будущего и рассматривает некоторые из них как контрафактивные» (Добрушина 2016: 186)².

3) По отдельным фрагментам диссертации возникают частные соображения и предложения терминологического характера.

а) Одна из форм называется в работе «фактативом». На стр. 62 автор поясняет выбор термина: эта форма может использоваться с разными временными и аспектуальными интерпретациями. Однако по описанию складывается ощущение, что эта видо-временная неизбирательность имеет иной источник, чем у прототипического фактатива, и в этом смысле для рассматриваемой формы скорее вторична. О фактативе, как кажется, в первую очередь говорят (в т.ч. в работах, цитируемых автором диссертации) применительно к формам, получающим ту или иную интерпретацию в зависимости от акционального класса исходного глагола (наиболее естественную для данного класса). Между тем, соответствующая атаяльская форма, как следует из описания на стр. 68 ниже, устроена не совсем так: она обладает вполне отчетливой собственной семантикой – описывает «ситуации, которые нельзя более или менее однозначно локализовать на временной оси», т.е. апеллирует к денотативному (истинностному?) статусу ситуации скорее, чем к ее акциональному классу. Может быть, более удобен был бы термин, отсылающий именно к этому свойству обсуждаемой формы (ирреалис? нереферентная форма?). Автор и сам отмечает, что «атаяльский фактатив далек от канонического фактатива», и, похоже, видит в этом основания для пересмотра представления о фактативных формах. Может быть, более простым решением было бы вообще не рассматривать данную форму в ряду фактативных.

б) На стр. 77–78 рассматривается конструкция с показателем *(i)sa* и проспективным префиксом, выражающая проспективное значение. Сопоставляя контексты употребления одиночного проспективного префикса и конструкции с *(i)sa*, автор делает вывод о том, что различие между ними состоит в «степени уверенности говорящего в вероятности реализации ситуации». Приводимые примеры, однако, заставляют думать, что, возможно, дело не только в степени вероятности. Можно предположить, что простая форма проспектива и конструкция с *(i)sa* соотносятся как интенциональный и т.н. «провиденциальный» проспектив в терминологии (Маслова 2004)³, т.е. в первом случае предпосылки ситуации интерпретируются как обусловленные внутренними свойствами ее субъекта, а во втором – как обусловленные внешними обстоятельствами (что отчасти коррелирует с представлением о такой ситуации как менее вероятной). Это бы, как кажется, вполне согласовывалось с другой функцией *(i)sa*, описываемой в работе, а именно с употреблением в аподозисе гипотетических условных конструкций (возможность реализации ситуации при определенном, внешнем по отношению к ней, условии).

Высказанные соображения носят дискуссионный характер и свидетельствуют вовсе не о каких бы то ни было недостатках работы, а лишь о том, что автору удается вызвать у читающего живой интерес и заразить его тем полемическим настроением, которым проникнута сама рецензируемая работа.

Работа И. М. Горбуновой не только удовлетворяет требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, но и существенно превосходит их. Текст автореферата соответствует диссертации. Основные положения диссертации отражены в установленном количестве публикаций. Диссертация отвечает пп. 9–14 Положения о присуждении

² Добрушина Н.Р. 2016. Сослагательное наклонение в русском языке. Опыт исследования грамматической семантики. Praha: Animedia Company.

³ Маслова Е. С. 2004. К типологии проспектива: категория провиденциалиса в юкагирских языках // Ландер Ю.А., Плунгян В.А., Урманчиева А.Ю. (Ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис. С. 212–222.

ученых степеней, утвержденного в новой редакции постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. №842, по своему содержанию соответствует паспорту специальности 10.02.20 (Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание) и является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задач, имеющих существенное значение для соответствующей области знаний.

Автор диссертации И. М. Горбунова, безусловно, заслуживает присвоения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 (Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание).

11 мая 2017

Научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Кандидат филологических наук Н. М. Стойнова

cf

Сведения о составителе отзыва:

Наталья Марковна Стойнова

Почтовый адрес: 119146, Москва, 1-я Фрунзенская ул., д.5, кв.138

Электронный адрес: stoynova@yandex.ru

Телефон: +79161840925

Место работы: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Почтовый адрес: 119019, Москва, улица Волхонка, 18/2

Электронный адрес: ruslang@ruslang.ru

Сайт организации: <http://www.ruslang.ru>

Ученая степень: Кандидат филологических наук (по специальности 10.02.20)

Должность: научный сотрудник

